

Новый император государства Наньюань, взойдя на престол, издал два указа. Первый гласил о пожаловании титула Титула Чиу-хоу великому генералу Син Тяню, который помог ему восстановить порядок и вернуть законную власть. Второй указ предписывал даровать первому музыканту Наньюаня, Му Яньсюню, кунхоу высотой в полчеловека, выполненный из глазури с золотой каймой.

Стоял лютый декабрь, небо засыпало землю хлопьями снега, и лишь в императорском саду на ветвях, вопреки морозу, расцветала красная слива. В самом сердце сливовой рощи находилась беседка Пинтин — излюбленное место Юань Ци, где он любил бывать еще будучи принцем.

Беседка была окружена стражниками с обнаженными мечами. Новый император Юань Ци, облаченный в черное длинное одеяние с вышитыми золотыми драконами, парящими в облаках, стоял внутри, перебирая тонкими пальцами белое нефритовое кольцо на большом пальце. С легкой усмешкой в глазах он пристально наблюдал за юношей в белых одеждах, застывшим перед входом в беседку.

Рядом с юношей стоял кунхоу с рукоятью из глазури, увенчанный резной головой феникса. Глядя на это произведение искусства, невозможно было не признать его бесценным: глазурь — материал редкий, а уж встретить в Наньюане инструмент такой высоты, да еще и с такой отделкой, было почти невозможно.

Юноша в белом, стоявший подле кунхоу, был Му Яньсюнь, некогда лично провозглашенный покойным императором первым музыкантом страны. Его игра на кунхоу напоминала небесную музыку, а голос, подобный соловьиному, звучал столь чисто и пронзительно, что его пение по праву считалось божественным даром.

Юань Ци смахнул невидимую пылинку с подола своего халата, подошел к каменному столу, взял чашку с еще дымящимся чаем и направился к Му Яньсюню. Несмотря на лютый мороз, на музыканте была лишь тонкая одежда, и то ли от страха, то ли от пронизывающего холода его тело мелко дрожало.

— Эта музыка лишь на небесах звучит, в мире людском ее услышишь не часто. Так говорил о тебе покойный император, — произнес Юань Ци. — Поэтому сегодня, взойдя на престол, я дарую тебе этот глазурный кунхоу. Доволен ли ты?

При звуке этого голоса Му Яньсюнь едва заметно вздрогнул. Он прикусил нижнюю губу и упрямо отвел взгляд. Брови Юань Ци нахмурились, и он, не раздумывая, плеснул горячим чаем прямо в лицо музыканту.

Обжигающая жидкость пропитала тонкую ткань одежды, и Му Яньсюнь издал резкий свистящий звук, втягивая рту воздух.

— Чего ты от меня хочешь? — процедил он сквозь стиснутые зубы.

Юань Ци, казалось, был несказанно доволен. Он прикрыл глаза, словно смакуя этот момент:

— А-Сюнь, даже когда ты произносишь такие полные ненависти слова, они звучат невероятно чарующе.

Му Яньсюнь впился в него яростным взглядом. Юань Ци протянул руку, намереваясь погладить его губы, но музыкант внезапно вцепился зубами в его палец. Между белых зубов Му Яньсюня мгновенно выступила кровь.

Юань Ци остался невозмутим. Не дрогнув лицом, он с силой высвободил руку, слегка подул на рану и выпрямился.

— Разве ты не умолял меня дать тебе встретиться с ним? Что ж, я отведу тебя к нему... в последний раз.

При этих словах Му Яньсюнь застыл, а затем рванулся вперед. Стражники, поняв, в чем дело, тут же схватили его. Музыкант отчаянно сопротивлялся и вцепился в подол одежды Юань Ци.

— Юань Ци, ты хочешь убить Второго господина? Он ведь твой родной брат, как у тебя только рука поднялась!

— Второй господин? Ха, как же нежно звучит это обращение из твоих уст.

Юань Ци усмехнулся. В императорской семье узы крови ценились меньше всего, а уж тем более, когда речь шла о Юань Сяо, сыне другой матери — какие они, к черту, родные братья? Интересно, если бы на троне сейчас сидел Юань Сяо, стал бы Му Яньсюнь точно так же умолять его о пощаде?

— Победитель правит, проигравший становится преступником — этот закон неизменен с древних времен. Если не хочешь идти, не вини меня в том, что я не дал тебе шанса, — Юань Ци прищурил свои фениксовые глаза, глядя на Му Яньсюня.

<http://bllate.org/book/18647/1796937>